

ЭЛЬ МЮРИД

ИГИЛ

«ИСЛАМСКОЕ ГОСУДАРСТВО» И РОССИЯ

СТОЛКНОВЕНИЕ НЕИЗБЕЖНО?

Эль Мюрид

**ИГИЛ. «Исламское государство» и
Россия. Столкновение неизбежно?**

«Книжный мир»

2016

Мюрид Э.

ИГИЛ. «Исламское государство» и Россия. Столкновение неизбежно? / Э. Мюрид — «Книжный мир», 2016

ISBN 978-5-8041-0801-5

Двадцать первый век несет фатальные перемены всему человечеству. Какой станет политическая карта мира в ближайшие десятилетия? Мало кто сомневается, что она будет выглядеть совсем иначе, чем привычная нам, пришедшая из второй половины прошедшего века. Уйдут в прошлое как границы Потсдамского мира, так и границы, прочерченные в Азии и Африке покидавшими эти материки европейскими колонизаторами. Сейчас на наших глазах на Ближнем Востоке происходит эпохальное событие: в кровавых муках рождается новое государство – ИГИЛ. Как и любые тяжелые роды, оно не радует глаз, пугает и заставляет задуматься о судьбе новорожденного. Выживет ли Исламское государство? Каким оно будет? О чем не сообщают нам СМИ и что на самом деле творится внутри этой политической «черной дыры»? Чем его появление грозит окружающим странам, и, прежде всего, нашей Родине – России? Как вообще стало возможно появление ИГИЛ и кто приложил к этому руку?

ISBN 978-5-8041-0801-5

© Мюрид Э., 2016
© Книжный мир, 2016

Содержание

От автора	6
«Исламское государство». История	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Эль Мюрид

ИГИЛ. «Исламское государство» и Россия. Столкновение неизбежно?

© Эль Мюрид, 2016

© Книжный мир, 2016

* * *

Эль Мюрид – ник блоггера Анатолия Несмияна. Лауреат премии Рунета «Лучший блоггер года» за 2011 год, премии «Имперская культура» имени Эдуарда Володина Союза писателей России и «Национальной премии в области блогосферы» за «вклад в развитие гражданского общества». Занимается вопросами и проблемами цветных революций, Арабской весны и переворота на Украине.

От автора

Мы живем в стремительно меняющемся мире, и скорость приема информации во многом является вынужденной. Времена, когда человек жил в пространстве, ограниченном парой сотен (а иногда и несколькими десятками) километров вокруг его дома, где он мог провести всю жизнь, мало интересуясь происходящим «снаружи», прошли давным-давно.

Однако скорость означает существенное снижение качества восприятия. Чем больше и быстрее мы поглощаем информацию, тем хуже воспринимаем ее. Возникает клиповое, фрагментарное восприятие, существенно ухудшается способность к оценке происходящего, сильнее становится зависимость от шаблонов.

Многие события начинают восприниматься только в реальном времени, без их связи с историей, с происходившими ранее процессами, теряется причинно-следственная связь и уж тем более становится крайне сложно находить противоречия, которые и являются источником любого развития.

События, которые сейчас разворачиваются на Ближнем Востоке, события, связанные с феноменом Исламского государства, огромному большинству людей кажутся чем-то совершенно новым, а потому страшным и пугающим. Раз так – то информация, которую СМИ публикуют о процессах, происходящих вокруг этой зловещей группировки, все больше и больше отталкивается от внешних проявлений – жестокости, террора, отрезанных голов, боев, смысл и замысел которых журналистов интересует мало, так как от них требуется картинка – и чем страшнее, чем у конкурента, тем более нужна редакции.

В итоге в массовом сознании уже закреплены созданные вокруг Исламского государства, его истории, целей и задач мифы, которые, в общем-то, внешне вполне соответствуют идущей информации, но по сути своей мало что способные рассказать о реально происходящих процессах, а главное – никак не могут дать прогноз на будущее.

На мой взгляд, столкновение с Исламским государством в той или иной форме для России неизбежно, и уже поэтому оно является нашим врагом. Это можно с высокой степенью вероятности предположить хотя бы на основании того, что в июне 2015 года боевики так называемого «Имарата Кавказ» принесли присягу халифу Исламского государства Абу Бакру аль-Багдади.

Врага нужно знать. Нужно знать его сильные и слабые стороны. Нужно понимать его цели и задачи. Нужно понимать наши слабости, которыми враг воспользуется и нашу силу, способную поставить противника в тупик и сломать его планы. Говоря иначе – нужно демифологизировать своего врага, перестать его бояться или недооценивать. Разумное поведение всегда лучше, чем иррациональная и судорожная реакция на происходящее.

Парадокс ситуации заключается в том, что во многом процессы, которые привели к появлению Исламского государства, уже неоднократно происходили в недавней истории: и мировой, и самого региона Ближнего Востока. Ничего экзотического в появлении и становлении Исламского государства на самом деле нет. Уже поэтому ретроспективный взгляд на аналогичные сегодняшним события может во многом подсказать и разъяснить то, что кажется сегодня не совсем понятным и логичным. Прежде чем перейти собственно к тексту книги, я вынужден сделать предварительное отступление. Не только потому, что у каждой книги должно быть предисловие, а в первую очередь для того, чтобы попытаться объяснить смысл того, что будет изложено в этом тексте.

Сам текст был написан довольно быстро, однако обдумывался он достаточно давно и долго – не менее трех лет. Дело здесь вот в чём.

Владимир Путин в своем Послании Федеральному собранию 25 апреля 2005 года назвал распад Советского Союза крупнейшей геополитической катастрофой XX века.¹ Естественно, нет никаких сомнений в правоте этой оценки, тем более для нас – жителей и бывших граждан СССР.

Однако мы живем еще в одну эпоху, в которой происходит менее заметный, но еще более тектонический процесс катастрофы, происходящей с глобальным миром, установившимся после крушения Советского Союза. Причина этой катастрофы была названа довольно давно и описана весьма детально разными исследователями и учеными. Сошлюсь на Сергея Переслегина, благо он обладает способностью весьма кратко выражать сложные смыслы:

«...Особенностью индустриальной экономики является ее принципиально кредитный характер, проще говоря – наличие ссудного процента. Это обстоятельство приводит, во-первых, к инфляции – возрастанию денежной массы и обесцениванию накопленных сокровищ. Во-вторых, к появлению в экономике инновационных элементов, созданию новых стоимостей. В-третьих, к экстенсивному росту рынков. Индустриальная экономика обречена расти. Через кризисы, через войны, через длинные циклы, но – обязательно расти.

Для роста нужны ресурсы: сырье, люди и рынки. И то, и другое, и третье подразумевает пространство, свободное от индустриального производства. И вся история индустриальной фазы – это своеобразный «бег к морю», к границам мира обитаемого.

Мир оказался конечен, и волна индустриализации, некогда выплеснувшаяся из Европы, «отразилась от его краев». Возникло стационарное состояние, не заключающее в себе никаких интенций пространственного развития²...»

Говоря иначе, кризис глобальной экономики (а значит, и глобального мира) объективно неизбежен и неотвратим в рамках существующей геоэкономической и соответствующей ей геополитической модели, ставшей основой нынешней версии глобального мира. Географическое пространство планеты конечно, а соответствующие современному уровню развития технологии не позволяют проводить экспансию в иные пространства – океан и космос, поддерживая экстенсивный рост глобальной экономики.

Естественно, возникла необходимость построения моделей выхода из существующего кризиса, позволяющие обойти возникшее противоречие. Недостатка в них нет, однако, если отсеять заведомо нереализуемые и не выдерживающие сколь-либо серьезной критики, можно увидеть, что все они, в конечном итоге, сводятся буквально к нескольким построениям. Можно выделить три ключевых сценария, которые в разном виде и в разных комбинациях прослеживаются у разных исследователей.

Первый сценарий – прямое решение. Грубое и неэффективное, невероятно затратное, однако оно уже имело место, и мы, собственно, живем в рамках последнего из этих решений. Это сценарий повторения накопленного ранее опыта через глобальную военную катастрофу, главной целью которой является перераспределение ресурсов в пользу победителей (что предопределяет бескомпромиссность глобальной войны и обязательное доведение ее до полной победы одной из сторон или коалиций сторон). Сопутствующей задачей глобальной войны является деструкция материальных ценностей: своеобразная «расчистка» строительной площадки для нового глобального мира.

Два других сценария являются разными видами непрямого решения проблемы. Второй сценарий – выход из рамок индустриальной экономики и построение новой (в разном прочтении ее называют либо постиндустриальной, либо неоиндустриальной). Новая экономика, естественно, должна быть построена на новых принципах, которые исключают возникнове-

---

¹ Владимир Путин. Послание Федеральному Собранию 25 апреля 2005 г. http://archive.kremlin.ru/appears/2005/04/25/1223_type63372_type63374_type82634_87049.shtml

² Сергей Переслегин. Опасная бритва Оккама, с. 38 // <http://www.litmir.info/br/?b=187584&p=38>

ние противоречия, связанного с необходимостью расширения индустриальной экономики и географически конечным миром. Естественно, что новая экономика будет иметь собственные проблемные места и свои уникальные противоречия – но пока нет общего понимания того, какой именно должна быть она (и соответствующая ей политическая картина мира), бесперспективно обсуждать ее проблемы и достоинства.

Тем не менее, логика в этом сценарии присутствует – если нет возможности без глобальной войны разрешить возникший системный кризис, нужно создать новую систему, свободную от противоречий предыдущей.

К сожалению, такой сценарий, хотя и выглядит он крайне соблазнительным, без катастрофы иного рода реализовать невозможно по вполне объективным причинам. Можно это проиллюстрировать известным примером исчезновения динозавров. По какой-то причине условия жизни на планете перестали соответствовать тем, в которых относительно комфортно существовали тысячи и тысячи разнообразных видов этих животных. Они практически мгновенно по любым историческим масштабам вымерли – и их ареал обитания заняли другие животные, для которых новые условия оказались вполне приемлемыми.

Для этих животных (которые существовали и во времена динозавров) наступил расцвет, но для динозавров история всё равно закончилась трагически – буквально считанные единицы видов сумели приспособиться, выжить и видоизмениться.

Мы сегодняшние в этом сценарии и есть те самые динозавры. Для какой-то будущей экономики и живущих в ней людей новый мир станет комфортным и просторным, но большинство из нас обречены в процессе перехода остаться навсегда в прошлом.

Речь не о массовом вымирании людей – речь идет о тотальной дезадаптации и социальном деклассировании огромных масс. Если, к примеру, будут созданы технологии производства мяса, не требующие современных методов выращивания скота (к примеру, выращивание белковой массы в каких-нибудь автоклавах), для всего человечества это будет благом – исчезнет угроза голода, животные белки станут более доступны. Однако для людей, занимающихся сегодня сельским хозяйством, это станет социальной катастрофой. Хорошо, если речь идет об отдельной отрасли и о не очень большой группе населения Земли. Различные программы социальной адаптации могут им помочь. Но при смене сценария развития глобальной экономики подобная судьба будет ожидать огромные массы населения всей планеты. Это и есть ключевая проблема такого сценария. Возможно, он будет описан гораздо более подробно и будут найдены способы преодоления видимых на поверхности проблем, но все они крайне сложны и серьезны, чтобы безоглядно проектировать новый мир согласно этому сценарию.

Пока, к сожалению, он выглядит не слишком разумным, так как в конечном итоге проектирует столь же катастрофические последствия, что и высокотехнологичный глобальный военный конфликт – даже если не учитывать применение оружия массового поражения. А в Третьей мировой войне его применение, пусть и на локальных уровнях, станет практически неизбежным. Поэтому второй сценарий – через стремительное (а оно не может быть иным – времени практически нет) проектное эволюционирование глобальной экономики – тоже не слишком впечатляет своей эффективностью, то есть соотношением затрат и возможного результата.

Советские фантасты Стругацкие, которых можно считать полноценными футурологами, исследовали эту проблему в своей книге «Волны гасят ветер», в которой эволюционировавшая часть человечества существовала параллельно остальному, после чего просто покинула Землю, оставив своих «прародителей» на прежней эволюционной ступени. К сожалению, сейчас улететь куда-то и оставить все проблемы позади невозможно.

Говоря иначе, всеобщей эволюции в этом сценарии не предвидится – эволюционирует лишь небольшая часть нынешнего мира. Остальная все равно, в том или ином виде, обречена. Неизбежно произойдет классический двухстадийный процесс, известный по процессам

взаимодействия структур – вблизи точки динамического равновесия произойдет разрушение предыдущей структуры, в которую затем будет индуцирована созданная в этот момент структура более высокого порядка. Но опять же, с сугубо житейской точки зрения, для привычного нам мира это все равно означает катастрофу и разрушение. На бытовом и житейском уровне это выльется в скачкообразный рост социальной энтропии – то есть, меры человеческого страдания, и львиную долю ресурсов, которые требуются для проектного строительства нового мира, придется затрачивать на преодоление этого страдания. Возникнет неустойчивая ситуация, когда ресурсный дефицит и неизбежные ошибки при воплощении проекта могут привести к краху проекта и неизбежной после этого общей деградации системы.

Нельзя сказать, что даже такое крайне нежелательное развитие событий станет концом человечества. В обозримой истории уже были такие ситуации. Римская империя, достигнув системного кризиса в своем развитии, не смогла преодолеть противоречий роста и пала (вначале ее Западная часть) под натиском варваров, что привело к тысячелетию Средних веков, завершившихся с эпохой Возрождения, которая смогла достичь лишь самой низкой точки развития Римской империи. Примерно так же сегодня молодая 20-летняя Россия гордо рапортует о том, что вышла на уровень развития СССР 1991 года, скромно умалчивая о том, что 1991 год – это год разрушения Советского Союза и самая низкая точка его развития перед крахом. Точка, с которой и была запущена «крупнейшая геополитическая катастрофа века».

Однако есть и третий сценарий, и ряд признаков показывает, что в той или иной мере события начинают разворачиваться в его рамках.

Этот сценарий – распад глобального рынка на несколько региональных. В своей статье «Распад «глобального мира»: как это будет» Михаил Хазин обобщенно пояснил суть происходящего:

«...Основной действующий механизм распада мира на валютные зоны в нашей теории прописан достаточно чётко: снижение совокупного спроса в связи с невозможностью его поддерживать на уровне, существенно превышающем реально располагаемые доходы населения, приведёт к падению уровня разделения труда. Это, в свою очередь, уменьшит добавленную стоимость, создаваемую в экономике, что сделает нерентабельным поддержание глобальной инфраструктуры мировой системы разделения труда. И, соответственно, она распадётся на более «дешёвые» с точки зрения обслуживания фрагменты...»³

Хазин предполагает распад глобального мира на 5–6 региональных кластеров, причем это число может быть и меньшим, кроме того, он не исключает возможности дальнейшего распада и этих кластеров.

«Сценарий распада» тоже сулит немало проблем, однако позволяет обойтись без катастрофических последствий первых двух ценой определенной деградации глобального рынка через снижение издержек на «обслуживание» меньших по своему размеру структур региональных кластеров.

Этот сценарий не разрешает ключевой проблемы глобальной кредитной экономики – противоречия между экстенсивным ростом и конечностью пространства, однако позволяет выиграть время (оценочно от 50 лет до столетия, хотя верхняя планка выглядит достаточно завышенной) для того, чтобы осмыслить ситуацию и предложить иные решения в рамках возможного нового технологического уклада.

Так, рамочно и очень схематично, выглядит разворачивающаяся перед нами катастрофа глобального мира, в котором мы сегодня живем. Мы видим ее, мы ее ощущаем, но осознать во всем ее пространстве мы попросту не в состоянии в силу глобальности происходящего, а также

---

³ Михаил Хазин. Распад «глобального мира»: как это будет // «Однако», 9 декабря 2012 г. <http://www.odnako.org/blogs/raspad-globalnogo-mira-kak-eto-budet/>

в силу того, что современное человечество еще никогда не сталкивалось в своей известной истории перед такой проблемой.

Я был обязан написать это отступление вот для чего.

Из сказанного можно сделать много разных выводов, но я не зря упомянул слово «тектонический» для обозначения разворачивающегося процесса ликвидации глобального мира. Во многом происходящее можно в какой-то степени уподобить распаду первичного материка Пангеи на нынешние материки. Этот процесс в итоге обеспечил устойчивость планеты, создал современный ее облик. Однако рифтогенез вызвал появление зон разлома земной коры, зон сейсмической активности в окраинных зонах материковых плит.

Понятно, что аналогия довольно условна, как и все аналогии, однако вне всякого сомнения, процесс распада глобального мира на кластеры неизбежно вызовет возникновение пограничных между ними зон, где процессы распада приобретут катастрофический и во многом неподконтрольный никому характер. Собственно, мы уже являемся свидетелями начала этого процесса. Начавшийся этап строительства обособленных региональных рынков и валютных зон вызвал катастрофы и войны на их окраинах. Арабская весна, война на Украине, возможные потрясения в Центральной Азии, на Кавказе – все эти конфликты расположены как раз в зонах, промежуточных создаваемым кластерам.

По факту процессы, протекающие в этих зонах, носят достаточно однотипный характер: распадаются и разрушаются ранее стабильные или квазистабильные государства и режимы, на их территории происходят конфликты малой и даже средней интенсивности, в которые вовлечены десятки и сотни тысяч человек. Создаются зародыши новых протогосударств, хотя и «старые» в ходе этой борьбы имеют немалый шанс сохраниться в относительно стабильном виде. Можно привести пример Египта, который прошел практически через те же стадии майданной «революции достоинства», что и Украина, однако сумел справиться с ситуацией и вернуть всё на относительно прежние позиции. Борьба еще не завершена, однако шанс на сохранение Египта в его прежнем виде достаточно высок. Вопрос теперь заключается лишь в том, сумеет ли египетская элита сделать выводы и разрешить накопленные противоречия, которые и привели страну на грань коллапса.

В то же время Ливия, Сирия, Судан, Йемен, Ирак находятся в состоянии перманентного распада. К опасной черте подходят аравийские монархии, которые могут не справиться с йеменским кризисом и шиитскими волнениями на своих территориях. Неизвестна пока судьба Афганистана, трудно прогнозировать, какое развитие обстановки ожидает бывшие республики Советской Средней Азии.

Не исключено, что если процессы в этих странах выйдут из-под контроля, нестабильность будет распространяться дальше – на относительно стабильные сегодня территории Южной и Восточной Европы, Казахстана, Киргизии, Узбекистана, Пакистана и конечно же, России. Украинский кризис напрямую ставит под вопрос стабильность в Восточной и даже Западной Европе.

В этом смысле крайне важным представляется обратный процесс: создание на территориях, охваченных сегодня хаосом, зародышей будущих государств, которые объективно будут заинтересованы в стабилизации обстановки и создании связей или даже вхождению в создающиеся региональные рынки на тех или иных ассоциированных условиях.

Здесь можно (и нужно) беспристрастно оценить всю совокупность происходящих общих для всех процессов, однако вывод, который и вынудил меня взяться за столь неоднозначную тему, как та, что затронута в этой книге, я бы сделал следующий: процессы, происходящие на периферийных по отношению к создающимся региональным рынкам территориях, в общих чертах имеют схожий характер. Естественно, с учетом своей специфики, разной для каждой из стран, которые сейчас проходят через этап демонтажа и пересборки, однако в целом эти процессы выглядят достаточно однотипными. Попытка обобщить их на нескольких примерах,

сравнить конфликты, проходящие сейчас в «зонах разлома» и попытаться найти в них общие закономерности развития, выглядит совершенно нелишней.

Темой книги является наиболее острый на сегодняшний день конфликт: конфликт в Ираке и Сирии, ключевым субъектом которого является Исламское государство Ирака и Леванта (ИГИЛ). Этот конфликт непосредственно связан с Россией хотя бы потому, что происходит на границе создаваемого Россией и ее союзниками Евразийского экономического союза. Если ситуация вокруг этого конфликта не будет разрешена в сторону его стабилизации и умиротворения (причем реального, а не временного или имитационного), в этом случае вероятность перетекания конфликта на нашу территорию существенно возрастает. Не только на нашу, естественно – экспансия Исламского государства является вполне объективным процессом, о котором подробнее будет сказано ниже, но нас, безусловно, в большей степени интересуют риски для нас.

Объективно в наших интересах, чтобы этот конфликт завершился созданием стабильной или, по крайней мере, относительно устойчивой системы. Это может быть возвращение к прежним государствам и военно-политическим поражением проекта Исламского государства с последующей «работой над ошибками» в рамках выстоявших «старых» государств. Такая «работа» должна разрешить противоречия, вызвавшие возникновение вооруженных конфликтов на их территориях. Однако в рамках такого подхода для нас может оказаться вполне приемлемой победа Исламского государства в том случае, если она завершится в итоге созданием некоего государственного образования, которое могло бы стать относительно стабильной пограничной периферией нашей экономической зоны.

Я пока не стану касаться темы устойчивости столь небольших государственных образований, которые неизбежно столкнутся с территориальной и ресурсной недостаточностью, что в свою очередь делает их существование крайне проблематичным – об этом речь пойдет ниже. Пока это лишь постановка вопроса.

Перед тем, как писать эту книгу, я предполагал объединить в ней два конфликта – на Ближнем Востоке и Украине. Слишком близки друг другу причины, способствовавшие их возникновению, слишком похожи процессы, которые идут уже в конфликтной стадии – в общем, аналогии имеют слишком явный характер, чтобы не замечать их. Однако в ходе работы я пришел к выводу, что все-таки есть смысл разделить их, и описать войну на Донбассе отдельно. Почему – отдельная тема, возможно, что впоследствии, после того, как будут описаны эти две войны, можно будет вернуться к идее сравнительного их обзора, анализа и выводов – но пока я все-таки решил «сузить» тему.

Безусловно, эта тема выглядит крайне обширной, чтобы попытаться раскрыть ее в одной, пусть даже и очень «толстой» книге, но я считаю себя обязанным начать ее хотя бы потому, что тема распада (стихийного или проектного) нынешнего миропорядка и связанных с ним катаклизмов крайне важна. Я полагаю, что для нашей страны эти процессы могут в ближайшем будущем выйти из разряда умозрительных и теоретических построений в совершенно практическую плоскость.

Я еще упомяну об этом более подробно, но буквально на моих глазах произошел переход от таких построений, которые были сделаны на круглом столе в «Независимом военном обозрении» в апреле 2013 года, к их практическому воплощению. Тогда один из докладчиков, офицер-генштабист М. М. Хамзатов, изложил сценарий захвата террористическими группами крупного мегаполиса, включая последовательность их действий и расчет их численности. Практически через год ИГИЛ точь-в-точь в соответствии с изложенным сценарием захватила второй по величине город Ирака Мосул крайне небольшой по численности (всего лишь 800 человек) ударной группировкой.

Очень не хочется, чтобы строго в соответствии с теоретическими построениями на нашу землю пришли цветные перевороты и сопутствующие им события. Хочется надеяться, что

изложение сценариев развития ситуации поможет сломать их и не допустить возникновения в России еще одной территории катастрофы.

«Исламское государство». История

Любая попытка объяснить феномен Исламского государства невозможна без хотя бы рамочного изложения истории этого террористического объединения, которое де-факто уже трансформировалось в квази-государство, обладающее большинством его атрибутов кроме, пожалуй, международного признания. Немало реальных государств и даже членов ООН по своей дееспособности выглядят куда как слабее Исламского государства, однако формально мы будем придерживаться официальной точки зрения на это образование, как террористическую группировку. Кстати, выполняя требования российского законодательства, обязан сообщить, что Исламское государство (ИГ) запрещено в России, как террористическая группировка.

С историей Исламского государства есть немало проблем, впрочем, вполне традиционных для любых подобных организаций, объединений и группировок. Его история фрагментарна, во многом внутренне противоречива и неполна. Часть сведений об ИГ выглядит недостоверными, значительная часть – неподтвержденными. Вынужден сделать такую оговорку, чтобы заранее уточнить, что в отдельных моментах история Исламского государства может быть весьма далека от событий, происходивших в реальности.

Для целей этой книги это, впрочем, не слишком существенно, хотя определенные детали и события являются ключевыми, поэтому их описание проверялось максимально (насколько это было возможно) тщательно, возможные нестыковки и неточности отбрасывались. К сожалению, все равно частично приходится действовать методами конспирологии – то есть, реконструкцией событий по известным «входящим» и «выходным» данным.

Нужно отметить, что конспирология, при всех сомнениях, которые вызывает она сама по себе, вполне работающий метод познания, если не увлекаться выходящими за рамки разумного моделями на ее основе.

В общем-то, ничего необычного в подобной ситуации существования мифов и недостоверной истории современных нам событий нет. События на Юго-Востоке Украины, которые происходят прямо на наших глазах, при том, что освещаются практически в реальном времени и с многих точек зрения, уже приобретают во многом мифические оттенки. Отчасти это связано с поляризацией симпатий, напрочь отвергающих друг друга, а потому мешающих объективно рассматривать картину происходящего в целом. Отчасти речь идет о намеренном дезинформировании. Скажем, в силу неизвестных причин маргинальная псевдосоциалистическая группировка-секта Сергея Кургиняна «Суть времени» предельно предвзято относится к любым упоминаниям одной из ключевых фигур событий первого этапа восстания на Донбассе Игоря Стрелкова. Адепты учения Кургиняна с каким-то непонятным остервенением наматывают на общеизвестные факты свои домыслы, а зачастую и прямую ложь, пытаясь любой ценой доказать «предательскую сущность» Игоря Стрелкова и тот невосполнимый вред, который он якобы нанес восстанию. Такая заданность, безусловно, серьезно искажает реальные события, однако это совершенно не интересует распространителей подобной лжи. Примерно в том же ключе работают и многие откровенно ангажированные пропагандисты – в общем, вместо достоверной истории событий мы уже имеем ряд весьма устойчивых мифов, которые искажают происходящее.

С такими же подходами можно столкнуться и в ситуации с Исламским государством. Официальная точка зрения, бытующая в нашей стране, что ИГ было создано чуть ли не под полным контролем Соединенных Штатов Америки, заведомо сужает поле для исследований, вынуждая в случае несоответствия официальной точки зрения реальным фактам оппонировать ей, выходя немедленно в маргинальное поле. Недобросовестные исследователи и журналисты, вооруженные заранее заданным ответом, вольно или невольно искажают реальность, давая ей неверную интерпретацию и тем самым неверно описывая происходящее.

К сожалению, я вынужден сделать подобную оговорку для того, чтобы заранее предупредить о сложностях, с которыми приходится сталкиваться при попытках более-менее объективно, без изначально запрограммированного результата, разобраться с событиями и процессами, действующими субъектами которых являются столь неоднозначные организации и люди. Мы будем сталкиваться с этим на протяжении всей книги, поэтому полагаю, что вынужденная оговорка, безусловно, оправдана.

Исламское государство (ИГ, Ад-Даулят аль-Исламия) известна под разными наименованиями, поэтому здесь я буду называть ее либо Исламским государством, либо ИГИЛ (Исламское государство Ирака и Леванта). На Ближнем Востоке принято наименование «Да'иш».

Джамаат-аль-Таухид ва-и-Джихад

Точной даты создания «прародителя» ИГ нет. Считается, что первоначальной группировкой, которая и стала им, является небольшая группа «Джамаат-аль-Таухид ва-и-Джихад». Она являлась классической радикальной группировкой, без каких-либо выдающихся достижений и особенностей. Десятки таких группировок численностью от нескольких человек до сотен оперировали в Ираке и во время между двумя иракскими войнами, и в особенности после второй войны, которая и привела к краху режима Саддама Хусейна.

Структура всех этих группировок имела четко выраженный сетевой характер, что полностью соответствовало специфике их создания и действий. В условиях подполья личные связи и доверие членов группировки друг к другу играют исключительно важное значение, кроме того, развитые родственные и племенные связи позволяли выходцам из небольшого района страны опираться на него, как на базу, действуя в «рейдовом» режиме набегов на цели, выбранные ими в качестве объектов нападения.

Эффективность действий таких группировок невелика, однако никакая «Аль-Кайеда» не сделала больше для всплеска терроризма в Ираке (да и во всем регионе Ближнего Востока), чем катастрофическая политика Соединенных Штатов.

Это отдельная тема, но не упомянуть ее решительно невозможно. Одержимые своей идеей привнесения норм и ценностей демократии (в американском, понятно, прочтении) в оккупированные ими страны, США совершенно не учитывают специфику и особенности «демократизируемых» территорий.

В Ираке они разрушили сложившийся и довольно устойчивый баланс между народами и конфессиями Ирака, где сунниты являлись элитой страны, будучи меньшинством. Такая ситуация сложилась исторически примерно по той же схеме, по которой стало правящим алавитское меньшинство в соседней Сирии. Дело в том, что у изгоев и меньшинств в странах Ближнего Востока крайне мало возможностей для продвижения вверх по социальной лестнице, и они вынуждены заниматься непрестижными профессиями, к числу которых в колониальной и постколониальной истории этих стран относилась служба в армии, полиции, спецслужбах. Таким образом сложилась весьма заметная диспропорция представительства меньшинств в

силовых структурах, и после серии коротких, но весьма ожесточенных переворотов и революций в послевоенное время к власти пришли как раз «силовики».

Снос статуи Саддама Хусейна, установленной в центре Багдада (9 апреля 2003 года)

По этому или близким к ним сценариям к власти в значительной части арабских стран пришли военные, которые довольно быстро смогли предложить общественный договор большинству населения своих государств: лояльность в обмен на безопасность. Естественно, что в силу традиций и специфики организации обществ Востока режимы в арабских странах мало напоминали демократию с точки зрения Запада – но, в конце концов, они и не были Западом, чтобы соответствовать каким-то его нормам.

В Ираке суннитское меньшинство стало ключевой группой общества, и насильственное внедрение западных стандартов демократии после победы коалиции НАТО над режимом Саддама Хусейна, при которых на всеобщих выборах без вариантов у власти оказалось шиитское правительство, не могло не вызвать жесткий протест суннитов. Кроме того, оккупационная администрация полностью дезинтегрировала всю прежнюю силовую структуру Ирака – армию, полицию, спецслужбы, чем автоматически обрушила криминальную и политическую обстановку в стране. Запрещенная партия Баас и ее члены неизбежно стали весьма серьезной базой иракского Сопротивления. По некоторым данным, на сегодня под рукой «Высшего командования джихада и освобождения» – чисто баасистской группировки – находится до 180 тысяч человек, значительная часть которых – деклассированные члены партии и структур управления саддамовского Ирака.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.